

ИСПОВЕДЬ «ВОРОБЬЯ»

КАЖДОЕ ее выступление в последние годы считалось в Париже грандиозным событием. Смерть ее стала днем национального траура. Титул великой певицы современности был присужден ей всем миром. А между тем у нее было смешное прозвище «воробей» (по-французски «пьяф»); это жаргонное словечко ей пришлось взять в качестве актерского имени, так как нормальное слово «воробей» — «муано» — уже было прозвищем другой певицы, и она была всего-навсего исполнительницей джазовых песенок. За ее гробом шли тысячи парижан — их привели сюда те самые коротенькие песни, которые звучат для нас благодаря грамзаписи, но которые именно в ее исполнении обрели долгую жизнь.

Что же такое эти песни?

Что же такое эта певица Эдит Пиаф?

Я не ошибусь, если скажу, что подобные песни мы теперь редко слышим у нас, но в суровые годы войны наши поэты и композиторы создавали их более щедро.

Подобной же певицы у нас, к сожалению, нет сейчас. Для Эдит Пиаф нужны настоящие песни. Те, что рождаются до музыки. Мы привыкли говорить: «песня Островского», «песня Фельдмана», «песня Пахмутовой». Эдит Пиаф говорила иначе: «Эту песню мне написал поэт Раймон Ассо».

Только так! Не случайно же Глинка явился после Пушкина. Не случайно Есенин не писал «текстовок» на готовые мелодии, на так называемую «рыбу». Настоящая песня создается как поэзия — и тогда рождается музыка. Песня для Эдит Пиаф была правдивым и поэтичным рассказом. «Когда я выбираю песню, то прежде всего обращаю внимание на ее слова». Факт жизни должен быть рассказан поэтом. Факты — упрямая вещь, не каждому, а только истинному художнику дано открыть в факте сокровища поэзии, хотя они есть в каждом факте жизни. «Нескладные куплеты, содержащие мысль, для которой авторы не сумели найти форму, или, наоборот, искусно сделанные стихи, но перепевающие мои старые темы (мне предлагали по крайней мере штук двадцать «попурри» из «Моего легионера» и «Аккордеониста»), — я отказываюсь и от тех, и от других и стараюсь выбирать лишь произведения оригинальные, искренние и «что-то с собой приносящие», — признавалась Эдит Пиаф. И это признание грустно читать ревнителю нашего отечественного искусства, на глазах которого на эстраде и на театре порой разыгрываются нистребовательные «вариации» однажды удачно найденной и приобретшей популярность темы.

Но ведь мы, иностранцы, слушаем же Эдит Пиаф, не зная ее родного языка, не понимая слов, не понимая собственно поэтического рассказа! И нас потрясает ее пение... Не говорит ли это о том, что — вопреки всему! — слово не так уж и важно в песне по сравнению с музыкой и исполнением? Нет. Эдит Пиаф разделяла мнение поэта Раймона Ассо: музыка придает тексту песни ее настоящее настроение, создает атмосферу.

Она ценила музыку, передающую движение чувств, заложенное в тексте песни, и мы, слыша ее голос и не понимая слов, тем не менее слышим это «движение чувств», эту правду и поэзию, продиктованную словом. На музыке песни лежит печать ее содержания.

У известного писателя-публициста Франции Андре Жюрмсе́ра есть рассказ о певце-шансоне, которому любимая женщина дает совет: чтобы песню запели все, надо, чтобы песня пела о том, что волнует всех.

Это верно, но верно и другое. Эдит Пиаф пела только то, что волновало ее, — и оказалось, что это волнует всех. Я слышал рассказ Натальи Кончаловской о том, как Пиаф пришли два молодых парня — поэт и композитор, чтобы показать ей свою новую песенку. Пиаф прослушала, положила руки на плечи друзей и сказала примерно следующее: «Милые вы мои, ваша песенка очаровательна, ее наверняка будет петь весь Париж, но только не я. Посмотрите на меня: разве я похожа на героиню вашей песни?»

Эдит Пиаф пела себя, факты ее биографии часто становились текстом песен под пером ее друга Раймона Асссо, но в этой непрерывной исповеди «воробья», исполненной чуть хрипловатым, трагическим и свободным голосом, мы узнаем себя, открываем в своей обыденности волнующий нас смысл и поэзию!

Однако довольно о песнях Эдит Пиаф — поговорим о ней самой, о ее судьбе, как она отразилась в «Книге о себе». Книга эта в подлиннике называется «На балу удачи», но переводчик предпочел дать ей другое название — и оно точно, потому что Эдит Пиаф не по плечу исследование жизни, она рассказывает о себе: немного фактов, немного чувств, немного рассуждений, просто, искренне, честно.

А в результате — волнующая повесть о трудной жизни талантливого человека. Об очень трудной жизни, хотя Эдит Пиаф и очень «везло» — она сама даже превеличивала свою везучесть. Она считала, что у ее матери были и голос, и талант, но успеха она не добилась, потому что не улыбнулся «случай», и только.

Случай был ее божеством, которому она молилась, но на которое она не полагалась. Случайность сделала ее певицей — и она делала все, чтобы предотвратить случайность «обратного направления»: «Обосновавшись в этой новой для меня жизни, я смутно сознавала, что мне на долю выпала необыкновенная удача и что от меня самой зависит не быть отброшенной назад в то жалкое существование, из которого меня вытащил Лепле».

Из которого ее вытащил однажды Лепле, в другой раз — Раймон Асссо. Она многим была обязана случаю и себе, своему дару, своему трудолюбию, но никогда она не забывала в этой своей книге рассказывать о том, как решительно помогали ей люди. Она не забывала об этом — и сама помогала, не дожидаясь, когда попросят. Включая в свою концертную программу номер молодого Ива Монтана, Эдит Пиаф устроила ему своего рода экзамен, хотя, по ее же словам, «в него можно было поверить а priori. Когда у артиста есть воля и желание избавиться от своих недостатков, как только он их обнаружил, это значит, что на него можно делать ставку. Он не из тех, кто стоит на месте».

Тем не менее самоуверенный и гордый Монтан был не очень-то доволен, когда «звезда» заметила, что ему необходимо сменить «легковесные, а иногда и вульгарные» песенки типа ковбойских напевов и петь «только настоящие песни, которые позволяют создать характер персонажа и выразить что-то».

Эдит Пиаф видела, что ее слова не приняты. Она не обиделась, она сама вышла на эстраду и стала петь для Монтана. Монтан слышал ее впервые. Он подошел к ней после ее песен и сказал совсем просто: «Что касается моего репертуара, вы правы. Я последую вашему совету. Только это так трудно!».

Случаи бывают разные, несчастные не обошли и Эдит Пиаф. Но с особенной горечью она вспоминает не газетные скандалы, а историю своей первой песни — песни,

где и слова, и музыка были написаны ею, Эдит Пиаф, для другой певицы. И надо же, чтобы эта песня была названа ею «Жизнь в розовом свете»! Пиаф не могла — по французским законам — подписать свою песню, так как не была тогда еще членом «Общества авторов, композиторов и издателей музыки». Она попросила подписать ее свою подругу — композитора Маргерит Монно. Та отказалась с непоколебимым профессиональным пренебрежением к работе дилетанта. Отказались многие, и Пиаф уже готова была отчаиваться, когда Луичи — позднее написавший для нее «Браво, клоун!» — согласился дать свою подпись. «Не думаю, что он раскаивается в этом», — пишет Пиаф.

Дело в том, что «Жизнь в розовом свете» стала «мировым боевиком»: «Переведенная на многие языки, в том числе и на японский, она бесконечно записывалась на пластинки в исполнении таких артистов, как Бинг Кросби и Луи Армстронг. Число проданных пластинок достигло трех миллионов...»

Но... она всегда жалела, что эту свою первую и прекрасную песню «создала» не она, а певица Марианн Мишель. «Создала» — это слово, как утверждает переводчик книги, Эдит Пиаф употребляет в смысле первое исполнение, но между словами «первое исполнение песни» и ее словами «создать песню» — пропасть. Та самая, что отделяет посредственность от таланта.

..Мы правы, когда говорим об «эстафете» жизни, «эстафете» поколений. Но по инерции мы иногда переносим понятие «эстафеты» на те сферы, где оно неприложимо и несправедливо. Недавно я купил маленькую пластинку из серии «Мастера зарубежной эстрады» и на обороте красного конверта прочитал цитату из предисловия Сергея Юткевича к книге Ива Монтана «Солнцем полна голова». Смысл этой цитаты в том, что песня во Франции последовательно «воскресает» в исполнителях: сначала Морис Шевалье, затем Шарль Трене, Люсьен Буайе, Эдит Пиаф и вот теперь — Ив Монтан... «Эстафета»? Нет! «Песня во Франции неотделима от исполнителя», — тут же говорит Сергей Юткевич. Да, конечно, песня живет. Но ведь это уже не та песня! Со смертью Эдит Пиаф умерла ее песня. Большой художник неповторим и незаменим. «Другой» Эдит Пиаф не будет.

Но она была. И за это наше спасибо жизни, народу, стране, которые позволили ей быть.

Впрочем, «позволили» не передает всего смысла происшедшего. Вот ее рассказ о первом выступлении в пудовере с недвоязанным рукавом перед изысканной буржуазной и артистической публикой в кабаре «Жернис»: «Люди, которые пришли в кабаре развлечься, чтобы забыть о своих заботах, возможно, не были уж так довольны, когда им напоминали, что существуют на земле, и даже совсем близко от них, а не где-то на другом конце света, такие вот девочки, как я, которые никогда не едят досыта и подымают от нужды. В своем тряпье, бледная, как привидение, я совершенно не вязалась с элегантной обстановкой «Жерниса».

Но она победила элегантный «Жернис», нисколько не приспособляясь к нему! После ее песни было молчание. Его нарушил знаменитый шансонье Морис Шевалье. Он громко сказал:

— Эта девочка вся полна песнями!

«Девчонка» победила, потому что настоящее искусство преодолевает любые барьеры и границы, оно всечеловечно. Такой всечеловеческой песней была и короткая джазовая песенка, спетая Эдит Пиаф.

Г. МИТИН